

— Привет... , — пролепетала я, пряча глаза. Его мне сейчас меньше всего хотелось бы видеть.

— Ты не очень легко одета? — с ухмылкой заметил он, глядя на мои голые ноги, — зима однако.

— Это моё дело, — зло проговорила я. Вся эта ситуация начинала меня подбешивать, — А ты что, нотации мне собираешься читать?

— Нотации тебе будут родаки читать, когда увидят вот эту фотку, — сказал он победоносно, протягивая мне мобильник, на экране которого была фотка голой девушки, сидящей в машине, на пассажирском сиденье.

Я была в шоке! Я стояла, как истукан, вглядываясь в изображение голой девушки, смутно осознавая, что это я. Ноги девушки были широко распахнуты в стороны, было отчётливо видна гладко выбритая писечка, на которую удачно падал свет фонаря, но вот лицо... Можно было поспорить, с тем фактом, что это я.

— Лица вообще не видно, — заявила я.

— Хорошо, а как тебе это, — сказал Антон, поколдовав немного с телефоном и вновь показывая мне экран.

Его вид победителя мне совсем не нравился. Я попой чувствовала надвигающуюся неприятность.

То, что я увидела на экране, мне понравилось ещё меньше. Это было видео того, как я вылезала из машины — этот маленький «сучонок» снимал из окна подъезда. Платье было задрано до пояса и видно было, что ни трусов, ни колготок на мне нет. Это длилось буквально несколько мгновений, но этого было достаточно. И то, что это действительно я, на видео, сомнений уже никаких не было.

— И что ты хочешь? — подавленно спросила я.

— Секса!

— Пиписька ещё не выросла, — буркнула я.

— Я бы не советовал грубить мне, — раздражённо ответил Антон, — а то покажу твоим предкам весёлые картинки, и разбирайся, как хочешь...

— Так что же ты хочешь?

— У нас мальчишник будет в воскресенье, у друга день рождения и ты бы здорово украсила своим присутствием наш вечер.

— Ну уж, хрен! — возмутилась я, — показывай свои картинки моим родителям... Мне всё равно...

Отдаваться этим соплякам на потеху, мне совершенно не хотелось. Уж лучше пусть мне предстоит нелिцеприятная беседа с родителями и масса неприятных объяснений, чем шанс прослыть шлюхой.

— Ну, ладно, — Антон почувствовал, что рыбка срывается с крючка, — тогда просто окажи мне услугу...

— Какую ещё услугу? — поинтересовалась я.

— Покрась в комнате у меня потолок.

— Ты чё, дурак? Серьёзно, что ли? — с недоверием спросила я.

— Ну, да, — проговорил он, — предки уехали, и дали задание побелить потолок до завтра.

Знаешь, как неохота...

— И это всё? — всё ещё сомневаясь, спросила я, — и после этого ты сотрёшь эту запись?

— Ну, да, — сказал он, правдиво глядя мне в глаза.

Про себя я подумала, что даже если он хочет просто заманить меня в свою квартиру, то уж один на один, я как-нибудь с ним справлюсь. Мне конечно очень не хотелось красить сейчас потолок, тем более, что я совершенно не представляла, как это делается, но другого выхода у меня не было.

— Ну, ладно... — всё ещё не веря, что такой малой «кровью» смогу отделаться от его шантажа, проговорила я.

Он пошёл вверх по лестнице и я следом за ним.

Войдя в квартиру, он включил свет, снял верхнюю одежду, ботинки и стал наблюдать за мной. Куртку я повесила на крючок и сняв сапоги осталась босиком стоять в коридоре. На мне из одежды осталось лишь новое платье, которое мы с Ромой только что купили.

— Классно выглядишь... , — с восхищением в голосе произнёс он.

— Спасибо, — пробурчала я в ответ, хотя мне был приятен его комплимент — я видела, что он искренно это сказал.

Он провёл меня в свою комнату. Мебели в комнате почти не было, занавески с окон сняты и пол был застелен плёнкой — всё было готово для покраски. А на полу, рядом со стремянкой, стояла банка с краской — Антон не обманул меня.

— Вот... — обронил он.

— Я тут уже начал, — продолжил он, показывая на угол комнаты.

Часть потолка на самом деле уже была покрашена, и пол в этом месте был весь в пятнах краски.

— Краска капает и может попасть на голову, поэтому лучше спрятать волосы, — сказал Антон, протягивая мне трикотажную шапочку.

— Спасибо, — с грустью проговорила я, понимая, что шапочка меня наверно не спасёт.

— Слушай, а может у тебя есть какая-нибудь ненужная футболка, — без надежды в голосе спросила я, — а то я это платье не могу испачкать, а кроме него у меня больше ничего нет.

— Нет, Кристин, извини, — сказал Антон, едва скрывая удовольствие.

«Ну и хрен с тобой» — подумала я.

Я сняла платье, оставшись совершенно голой.

Антон смотрел на меня во все глаза. В его взгляде было столько эмоций: и страсть, и возбуждение, и радость, и любопытство...

Убрав волосы под шапочку, я двинулась в сторону стремянки. Окунув валик в банку с краской, я стала подниматься по ступенькам. Я видела, как краска собирается на краю валика, и старалась успеть донести валик до потолка, прежде чем краска потечёт вниз. Я уже поднялась на верх стремянки и почти распрямила руку, как вдруг неожиданно краска, не удержавшись на краю валика, густо капнула мне прямо на грудь...

— Ой! — взвизгнула я.

Антон, раскрыв рот, смотрел на меня — струйка белой краски медленно стекала по моей правой груди, окрашивая сосочек.

— Она теперь не отмоется? — испуганно спросила я.

— Да нет... , — запинаясь, проговорил хриплым голосом Антон, — это водоэмульсионная краска... она отмывается... водой с мылом...

— Я щас приду, — добавил он и быстро вышел из комнаты.

Пока я стояла, краска уже успела капнуть мне на бедро, надо было срочно начинать красить — я стала неумело водить валиком по потолку, размазывая краску.

Постепенно я приноровилась — окунать валик я старалась не сильно, чтобы меньше краски стекало и разбрызгивалось. Мне этот процесс даже начинал нравиться.

Антон уже вернулся и сидел в кресле качалке, у окна, пристально наблюдая за мной.

Меня возбуждало его внимание. Возбуждало открытое окно — я представляла, какой вид открывается всем жильцам дома напротив. Я фантазировала, как многочисленные жители прильнули к своим окнам, разглядывая меня, обнажённую, ярко освещённую светом, принимающую на стремянке самые необычные позы...

Моя неугомонная писечка постепенно увлажнялась, и ничего не могла с этим поделать.

Я настолько увлеклась своими фантазиями, что в очередной раз неосторожно окунула валик слишком глубоко в ведро и не успела донести его до потолка, как краска буквально ручейком потекла мне на живот, бедро и стала стекать к моей бритой киске.

От неожиданности я вскрикнула и машинально рукой хотела смахнуть с себя краску, но только размазала краску по лобку и половым губкам... Краска продолжала стекать с валика, капая на мои ноги, на стремянку... Я совершенно растерялась.

— Если ты поласкаешь себя, — сглотив комок волнения, сказал Антон, абсолютно диким взглядом глядя мне между ног, — я сотру с телефона твои фотки прямо сейчас...

Я и сама не прочь была поласкаться, а тут, такое выгодное предложение.

Я посмотрела на свою писечку — выглядела она совершенно необычно в белом цвете. Мне самой жутко захотелось потрогать её.

— Давай, стирай! — согласилась я, — но только, чтобы я видела.

Антон встал с кресла и подошёл ко мне, не отрывая взгляда с моей писечки. Я сидела на верхней ступеньке стремянки, ножки были согнуты в коленях и слегка разведены в стороны — ему открывался замечательный вид на мои прелести.

Он при мне удалил с телефона компрометирующие записи, и я почувствовала облегчение — ну, что же, можно и поласкаться.

Я уселась поудобнее, спустившись на одну ступеньку вниз и опираясь одной ногой на пол, а другую ножку, согнутую в колене поставила на стремянку. Я сидела напротив большого окна, а Антон расположился в кресле около окна. Ощущение, что на меня смотрят из дома напротив, не покидало меня, и от этого я возбуждалась ещё сильнее.

Дотронувшись до киски, я ощутила нахлынувшее сладкое чувство, ещё далёкого, но уже приближающегося оргазма. Вот только половые губки, испачканные в краске, не позволяли пальчикам легко скользить по щёлочке, как мне того хотелось. И тут мне пришла в голову идея, раз уж писька моя уже в краске, то хуже ей уже не будет — всё равно отмывать.

Макнув руку в банку с краской, я опустила её на писечку. Краска была прохладная и скользкая. Я стала нежно поглаживать свои складочки, которые с каждым движением моих пальчиков окрашивались в белый цвет всё более толстым слоем.

Понимание того, что я ласкаю себя грязными в краске руками, добавляло дров в топку моего растущего возбуждения. Мне захотелось ещё окунуть пальчики в банку с краской, что я незамедлительно и сделала.

Пальчики легко заскользили по писечке. Краска стала стекать к моей ещё одной дырочке — я почувствовала, как прохладный ручеек приближается к анусу. Антон подскочил с кресла и

схватив с пола кисточку, окунул её в краску. Подойдя ко мне, он приблизил кисточку к моей левой грудке и нежно провёл ей по сисе. Посмотрев на неё, я увидела полоску краски, пересекающую наискосок мою грудь и покрашенный её, торчащий сосок. Мне было приятно, то, как он это сделал, и я не стала его останавливать.

Он макнул кисточку в краску и провёл ей по бедру — кисточка оставила за собой белый след. Я продолжала ласкать себя пальчиками...

Антон кисточкой...

Я настолько была поглощена своими ощущениями, что уже не контролировала, происходящее вокруг... Не контролировала себя...

Пальчики сами погрузились в «дырочку»... Я не понимала, что крашу себя изнутри